

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ / METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS IN PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0210>
УДК/UDC 159.9, 316.6

Жизнестойкость личности и факторы «Большой пятерки»

М.И. Постникова^{1,2} ✉, В.И. Пищик², Н.В. Сиврикова³, А.В. Микляева⁴

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

² Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

³ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Российская Федерация

⁴ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ post-margarita@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Поиск личностных черт, выступающих предикторами жизнестойкости, является широко распространенной исследовательской задачей, однако результаты многочисленных исследований оказываются трудно сопоставимыми друг с другом в силу разнообразия изучаемых личностных характеристик. Преодоление этой ситуации предполагает использование универсальных моделей личностных черт, к числу которых относится модель «Большой пятерки».

Цель. Изучение взаимосвязи черт «Большой пятерки» и уровня жизнестойкости личности.

Выборка. Выборку составили 808 респондентов (46,2% мужчин и 53,8% женщин) в возрасте от 17 до 82 лет.

Методы. Для сбора эмпирических данных применялись: опросник «Hardiness Survey» в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой; краткий опросник «Большой пятерки» (КОБП) в адаптации А.С. Сергеевой, Б.А. Кириллова, А.Ф. Джумагуловой. Математическая обработка результатов исследования включала методы описательной статистики, корреляционный, регрессионный и однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты. Обнаружены взаимосвязи между показателем жизнестойкости и ее отдельными компонентами и четырьмя чертами «Большой пятерки», такими как экстраверсия, добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость опыту; помимо этого, показатель вовлеченности продемонстрировал взаимосвязи с согласием как фактором «Большой пятерки» ($p \leq 0,05$). Регрессионный анализ ($R^2 = 0,28$) позволил констатировать, что значимыми предикторами жизнестойкости являются экстраверсия ($\beta = 0,17$), эмоциональная стабильность ($\beta = 0,19$) и добросовестность ($\beta = 0,20$).

Выводы. Результаты исследования могут использоваться при разработке программ психологического вмешательства, направленных на содействие повышению стрессоустойчивости молодежи, взрослых и пожилых людей. Перспективы исследования связаны с детальным изучением взаимосвязей между жизнестойкостью и факторами «Большой пятерки» с учетом различных социально-демографических факторов.

Ключевые слова: жизнестойкость, предикторы жизнестойкости, «Большая пятерка», эмоциональная стабильность, экстраверсия, добросовестность

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520.

Для цитирования: Постникова, М.И., Пищик, В.И., Сиврикова, Н.В., Микляева, А.В. (2024). Жизнестойкость личности и факторы «Большой пятерки». *Национальный психологический журнал*, 19(2), 121–130. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0210>

Hardness of Personality and the Big Five Traits

Margarita I. Postnikova^{1,2}✉, Vlada I. Pishchik², Nadezhda V. Sivrikova³,
Anastasia V. Miklyaeva⁴

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

² Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

³ South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

⁴ Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation

✉ post-margarita@yandex.ru

Abstract

Background. The search for personality traits that are outstanding predictors of hardness is a widespread research task. However, research results are difficult to access due to the variety of personality characteristics studied. Overcoming this situation involves the use of universal models of personality traits, which include the Big Five model.

Objective. Analysis of the relationship between the traits of the Big Five and the hardness level of a person.

Study Participants. The sample consisted of 808 respondents (46.2% men and 53.8% women) aged 17 to 82.

Methods. The empirical data were collected by: the questionnaire “Hardiness Survey” adapted by D.A. Leontiev and E.I. Rasskazova; the short questionnaire of the Big Five adapted by A.S. Sergeeva, B.A. Kirillov, and A.F. Dzhumagulova. Mathematical processing of the research results included methods of descriptive statistics, correlation analysis, regression analysis and one-factor analysis of variance.

Results. Correlations were found between the total index of hardness and its components and four traits of the Big Five, such as extroversion, conscientiousness, emotional stability and openness. In addition, the indicator of commitment demonstrated the relationship with agreeableness as a factor of the Big Five ($p \leq 0.05$). Regression analysis ($R^2 = 0.28$) allowed us to state that significant predictors of hardness are extraversion ($\beta = 0.17$), emotional stability ($\beta = 0.19$) and conscientiousness ($\beta = 0.20$).

Conclusions. The results of the study can be used in the development of psychological intervention programmes aimed at promoting the stress resistance of young people, adults and the elderly. The prospects of the study are associated with a detailed study of the relationship between resilience and the factors of the Big Five, taking into account various socio-demographic factors.

Keywords: hardness, predictors of hardness, Big Five, emotional stability, extraversion, conscientiousness

Funding. The study has been supported by Russian Science Foundation, project No. 22-28-00520.

For citation: Postnikova, M.I., Pishchik, V.I., Sivrikova, N.V., Miklyaeva, A.V. (2024). Hardness of Personality and the Big Five Traits. *National Psychological Journal*, 19(2), 121–130. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0210>

Введение

Рост числа стрессоров и их интенсивность, внимание к человеческому капиталу как фактору конкурентоспособности требуют от научного сообщества поиска ресурсов, обеспечивающих эффективное функционирование личности в любых условиях. В современной психологии в качестве одного из важнейших ресурсов личности рассматривается жизнестойкость. Концепция жизнестойкости (hardiness) была предложена С. Мадди и С. Кобейса (Kobasa et al., 1982) для обозначения особого набора черт личности, которые обеспечивают стрессоустойчивость личности, составляя внутренние ресурсы, связанные с особым восприятием кризисной ситуации и опосредующие воздействие стрессора.

Жизнестойкость представляет собой комплекс убеждений о себе, об окружающем мире, об отношениях с ним, включающий три автономных элемента: вовлеченность (активное участие во всем,

что происходит), контроль (убежденность в том, что путем борьбы можно влиять на последствия происходящих событий) и принятие риска (стремление пережить собственный опыт, будь он позитивным или негативным) (Maddi, 2017). Три установки жизнестойкости дополняют друг друга, вместе образуя диспозицию, которая помогает снижать и легче переносить онтологическую тревогу, связанную с выбором будущего, превращая стрессовые обстоятельства из потенциальных катастроф в факторы личностного роста (Maddi, 2020). Выраженность компонентов жизнестойкости препятствует созданию внутреннего напряжения, возникающего в стрессовых ситуациях, за счет устойчивого противодействия стрессам и восприятия их как менее значимых (Леонтьев, Рассказова, 2006). Жизнестойкость является защитным механизмом, который запускается при столкновении с негативными жизненными событиями или неблагоприятными условиями жизни (Виничук, 2020; Yaprak et al., 2018).

При этом жизнестойкость обеспечивает личности в стрессовых ситуациях возможность зрелой саморегуляции, тем самым способствуя отказу от сохранения личностью себя прежней и ее стремлению к самоизменению, что позволяет рассматривать ее как важнейшую составляющую личностного потенциала (Леонтьев, Рассказова, 2011).

К сегодняшнему дню описаны взаимосвязи жизнестойкости с различными чертами личности. Установлена прямая взаимосвязь между жизнестойкостью и экстраверсией (Наливайко, 2018; Шерешкова, 2019; Zhang, 2011), обратные корреляции обнаружены между жизнестойкостью и интроверсией (Наливайко, 2018), тревожностью (Наливайко, 2018; Шерешкова, 2019; Samoilov, Aleshicheva, 2022), ригидностью (Наливайко, 2018; Наливайко, 2010; Осин, Рассказова, 2013), эмоциональной возбудимостью (Осин, Рассказова, 2013), агрессивностью (Кузнецова, Таранова, 2021; Омарова, 2018; Чухрова и др., 2018; Samoilov, Aleshicheva, 2022; Rathee, Kaushik, 2022), внутренней конфликтностью (Наливайко, 2018), осознанностью (Subramanian et al., 2013).

Отметим, что при всем многообразии сведений о взаимосвязях между жизнестойкостью и личностными чертами результаты соответствующих исследований трудно сопоставимы друг с другом в силу отсутствия единого методологического основания исследования личности. Представляют особый интерес использование в контексте подобных исследований универсальных личностных моделей, таких как модель «Большой пятерки», которая предполагает, что вариативность черт личности связана с изменчивостью пяти независимых измерений: экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, эмоциональная стабильность, открытость опыту (Alegre et al., 2019). Данная модель является независимой от языка и других культурных аспектов людей, кросскультурные исследования на шести континентах подтверждают идею о том, что модель «Большой пятерки» личностных черт является универсальной конструкцией (Радюк и др., 2016; Gurven et al., 2013; Bartone et al., 2009; Zhang, 2011; Zhang, et al., 2022; Steyn, Ndofigepi, 2022), что делает ее удобным основанием для сравнительного анализа результатов исследований, раскрывающих взаимосвязи характеристик личностных ресурсов и черт личности (Bakker et al., 2006; Agbaria, Mokh, 2022; Rammstedt et al., 2022; Chen et al., 2022; Zacher, Rudolph, 2021), и в частности, жизнестойкости.

В зарубежной психологии имеется достаточно большое количество работ, посвященных взаимосвязям черт «Большой пятерки» и жизнестойкости. Установлено, что жизнестойкость положительно связана с экстраверсией, добросовестностью и открытостью опыту, и отрицательно с нейротизмом (Ramanaiyah et al., 1999). С. Мадди доказал, что жизнестойкость отрицательно связана с нейротизмом и положительно с остальными чертами «Большой пятерки» (Maddi et al., 2002). В работе китайских иссле-

дователей представлены результаты регрессионного анализа, которые позволяют отметить экстраверсию, добросовестность и открытость опыту в качестве положительных предикторов жизнестойкости и нейротизм в качестве отрицательного (Zhang, 2011). Существенный вклад эмоциональной стабильности (как противоположного полюса нейротизма) в показатели жизнестойкости показали норвежские исследователи (Risan et al., 2022). В целом, эти исследования описывают общую тенденцию положительных взаимосвязей между жизнестойкостью и четырьмя составляющими «Большой пятерки», такими как экстраверсия, открытость опыту, согласие и добросовестность, на фоне ее отрицательной взаимосвязи с нейротизмом. В то же время, возможно, эти взаимосвязи не являются кросскультурно-универсальными, поскольку в некоторых исследованиях они не находят полного подтверждения. Так, например, в исследовании иранских коллег показано, что жизнестойкость положительно связана с экстраверсией, согласием и добросовестностью, однако при этом зафиксированы ее отрицательные корреляции с нейротизмом и с открытостью опыту (Fouladi, Shahidi, 2020).

В рамках представленного исследования особого внимания заслуживает тот факт, что отечественные исследователи не используют модель «Большой пятерки» для определения взаимосвязи личностных черт с уровнем жизнестойкости. Учитывая достоинства данной модели, подчеркиваемые зарубежными авторами, подобная тенденция представляется существенным пробелом в исследованиях отечественных авторов. Вместе с тем исследователями признается, что решение подобных задач позволит более эффективно организовывать вмешательства при работе с людьми, оказавшимися в трудных жизненных ситуациях. Мы посчитали необходимым восполнить этот пробел.

Цель исследования — изучение взаимосвязи конструкта жизнестойкости и черт «Большой пятерки». **Гипотеза** — жизнестойкость определяется чертами личности, составляющими «Большую пятерку».

Методы и методики

Для определения уровня жизнестойкости использовалась русскоязычная версия опросника «Hardiness Survey» (Maddi, 1998) в адаптации (Леонтьев, Рассказова, 2006). Опросник включает 45 высказываний. Для исследования черт личности использовался краткий опросник «Большой пятерки» (TIPI) (Gosling et al., 2003) в адаптации (Сергеева и др., 2016), для которой в открытом доступе представлены наиболее полные, в сравнении с аналогами (Егорова, Паршикова, 2016; Корнилова, Чумакова, 2016) психометрические характеристики. Для математической обработки результатов исследования использовались методы описательной статистики,

корреляционный (r_s), регрессионный (β) и однофакторный дисперсионный (F) анализ. Расчеты проводились с помощью пакета статистических программ IBM SPSS Statistics 23.

Выборка

В исследовании приняли участие 808 человек (46,2% мужчин и 53,8% женщин), проживающих в разных регионах России в возрасте от 17 до 82 лет. Сбор данных проводился в индивидуальной форме. Для каждого участника были подготовлены тексты опросников, который они заполняли самостоятельно. Интервьюеры объясняли цель исследования и отвечали на вопросы, связанные с процедурой заполнения стандартных бланков.

Таблица 1
Описательные статистики (Тест жизнестойкости и КОБП)

Показатели	Выборки респондентов						F
	17–32 года		33–60 лет		61 год и старше		
	M	S	M	S	M	S	
Жизнестойкость	79,74	21,25	80,11	18,54	78,45	18,52	0,33
Вовлеченность	32,34	10,87	33,12	10,39	32,44	9,91	0,43
Контроль	28,93	8,03	28,87	8,00	28,91	9,38	0,01
Принятие риска	18,47	5,85	18,11	4,96	17,13	5,99	1,43
Экстраверсия	8,41	2,58	8,27	2,53	7,34	2,29	8,07**
Согласие	9,22	2,29	9,55	2,19	9,38	2,48	1,33
Добросовестность	10,79	2,26	11,30	1,92	10,70	2,40	5,59**
Эмоциональная стабильность	8,54	2,95	8,52	2,64	8,70	2,40	0,23
Открытость опыту	10,08	2,28	9,49	2,48	8,96	2,40	8,96**

** — $p \leq 0,01$

Table 1
Descriptive statistics (Hardiness test and Big Five)

Parameters	Samples (age)						F
	17–32		33–60		>61		
	M	S	M	S	M	S	
Hardiness	79.74	21.25	80.11	18.54	78.45	18.52	0.33
Commitment	32.34	10.87	33.12	10.39	32.44	9.91	0.43
Control	28.93	8.03	28.87	8.00	28.91	9.38	0.01
Challenge	18.47	5.85	18.11	4.96	17.13	5.99	1.43
Extraversion	8.41	2.58	8.27	2.53	7.34	2.29	8.07**
Agreeableness	9.22	2.29	9.55	2.19	9.38	2.48	1.33
Conscientiousness	10.79	2.26	11.30	1.92	10.70	2.40	5.59**
Emotional stability	8.54	2.95	8.52	2.64	8.70	2.40	0.23
Openness	10.08	2.28	9.49	2.48	8.96	2.40	8.96**

** — $p \leq 0.01$

Однофакторный дисперсионный анализ позволил выявить различия между возрастными группами по показателям экстраверсии и открытости опыту, которые последовательно снижаются от более молодого к более старшим возрастам. Открытость опыту наряду с согласием довольно ярко представлены в личностных профилях респондентов независимо от возраста, тогда как значения показателей эмоциональной стабильности и экстраверсии в личностных профилях всех возрастных групп занимают четвертое и пятое место соответственно. В целом, можно констатировать схожесть личностных профилей респондентов разных воз-

растных групп, несмотря на отдельные количественные различия показателей, что позволяет осуществлять последующий анализ влияния факторов «Большой пятерки» на показатели жизнестойкости без учета возрастных различий.

По результатам корреляционного анализа (Таблица 2), все исследуемые параметры жизнестойкости взаимосвязаны с четырьмя чертами личности из модели «Большой пятерки»: экстраверсия, добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость опыту. Со всеми пятью факторами «Большой пятерки» оказался взаимосвязан только такой компонент жизнестойкости, как «вовлеченность».

Таблица 2
Корреляции между жизнестойкостью и чертами личности

Показатели	Экстраверсия	Согласие	Добросовестность	Эмоциональная стабильность	Открытость опыту
Жизнестойкость	0,216***	0,069	0,225***	0,246***	0,147***
Вовлеченность	0,190***	0,131***	0,200***	0,207***	0,100**
Контроль	0,183***	0,049	0,207***	0,247***	0,141***
Принятие риска	0,175***	0,082*	0,165***	0,162***	0,142***

* — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,01$

Table 2
Correlations between hardiness and personality traits

Parameters	Extraversion	Agreeableness	Conscientiousness	Emotional stability	Openness
Hardiness	0.216***	0.069	0.225***	0.246***	0.147***
Commitment	0.190***	0.131***	0.200***	0.207***	0.100**
Control	0.183***	0.049	0.207***	0.247***	0.141***
Challenge	0.175***	0.082*	0.165***	0.162***	0.142***

* — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$

На основе результатов регрессионного анализа (Таблица 3) можно отметить, что среди показателей «Большой пятерки» наиболее надежным, независи-

мым от возраста респондентов предиктором жизнестойкости является добросовестность, эмоциональная стабильность и экстраверсия.

Таблица 3
Результаты регрессионного анализа (множественная регрессия с пошаговым включением переменных, $R^2 = 0,28$)

Предикторы жизнестойкости	БЕТА	Ст.Ош. БЕТА	В	Ст.Ош. В	t	p
Свободный член			82,80	1,56	53,18	0,00
Экстраверсия	0,17	0,07	0,53	0,22	2,37	0,02
Эмоциональная стабильность	0,19	0,09	0,61	0,27	2,26	0,02
Добросовестность	0,20	0,09	0,63	0,30	2,07	0,04

Table 3

Regression analysis results (multiple regression with step-by-step inclusion of variables, $R^2 = 0.28$)

Hardiness predictors	Beta	Std.Err. of beta	B	Std.Err. of B	t	p
Intercept			82.80	1.56	53.18	0.00
Extraversion	0.17	0.07	0.53	0.22	2.37	0.02
Emotional stability	0.19	0.09	0.61	0.27	2.26	0.02
Conscientiousness	0.20	0.09	0.63	0.30	2.07	0.04

Обсуждение результатов

Цель нашего исследования заключалась в анализе взаимосвязей между жизнестойкостью и личностными факторами «Большой пятерки». Отсутствие статистически значимых различий между показателями жизнестойкости, а также схожесть личностных профилей респондентов разных возрастных групп, несмотря на отдельные количественные различия показателей, позволили нам осуществлять анализ влияния факторов «Большой пятерки» на показатели жизнестойкости на материале совокупной выборки, без учета возрастных различий. Полученные с помощью корреляционного и регрессионного анализа данные соответствуют результатам исследований, проведенных зарубежными авторами. В частности, ранее было установлено, что связь жизнестойкости с экстраверсией, добросовестностью, открытостью опыту и эмоциональной стабильностью носит прямой характер.

Наиболее часто в исследованиях из всех факторов «Большой пятерки» с жизнестойкостью оказывалась связана такая черта личности, как эмоциональная стабильность (противоположность нейротизму) (Maddi et al., 2002; Ramanaiah et al., 1999; Risan et al., 2022; Zhang, 2011). Эти данные подтверждают существенный вклад эмоциональной стабильности в формирование способности человека выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутренний баланс и успешность деятельности, что, вероятно, определяется значимостью эмоциональной стабильности для становления экзистенциальной отваги, которая предполагает готовность действовать вопреки онтологической тревоге, тревоге потери смысла, вопреки чувству одиночества и безысходности (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Другая черта личности, которая, согласно нашим данным, вносит вклад в жизнестойкость — экстраверсия. Аналогичные данные были получены и в других исследованиях (Maddi et al., 2002; Ramanaiah et al., 1999; Zhang, 2011). Связь жизнестойкости с экстраверсией может быть объяснена сопряженностью экстраверсии с оптимистичностью и способностью к положительной переоценке проблемной ситуации, а также с использова-

нием рациональных стратегий, направленных на решение проблем и на поиск социальной поддержки (Bakker et al., 2006).

Наше исследование также отражает связь контроля и добросовестности, как это было показано и в исследованиях других авторов (Maddi et al., 2002; Ramanaiah et al., 1999; Zhang, 2011). Влияние добросовестности на уровень жизнестойкости можно объяснить тем, что эта черта личности связана с постоянством, сознательностью и самодисциплиной (Bakker et al., 2006). Вероятно, именно эти качества способствуют формированию установки на контроль, которая является компонентом жизнестойкости.

Параметр открытости опыту, хотя и оказался взаимосвязанным с показателями жизнестойкости, не вошел в регрессионную модель, что противоречит некоторым ранее опубликованным результатам, согласно которым открытость опыту является положительным предиктором жизнестойкости (Zhang, 2011). Учитывая, что в некоторых исследованиях этот параметр демонстрирует отрицательные взаимосвязи с жизнестойкостью (Fouladi, Shahidi, 2020), можно предполагать, что его вклад в жизнестойкость более культурно-специфичен, в сравнении с эмоциональной устойчивостью, экстраверсией и добросовестностью. То же самое можно отметить в отношении параметра «согласие», который в нашем исследовании оказался наиболее слабым коррелятом жизнестойкости и не вошел в итоговую регрессионную модель. Одно из возможных объяснений этих фактов связано с относительно низкой согласованностью данных шкал (в сравнении с другими шкалами), которая характерна как для российских, так и для зарубежных кратких версий опросника «Большой пятерки» (Сергеева и др., 2016; Егорова, Паршикова, 2016; Корнилова, Чумакова, 2016).

Таким образом, результаты, полученные на российской выборке, подтверждают универсальный характер вклада в жизнестойкость эмоциональной стабильности, экстраверсии и добросовестности как ее положительных предикторов, вне зависимости от национального контекста, в то время как данные о вкладе в показатели жизнестойкости открытости опыту и согласию в нашем исследовании не нашли подтверждения.

Следует отметить ряд ограничений представленного исследования. Во-первых, относительно небольшой объем выборки не позволил нам провести более подробный анализ влияния социально-демографических факторов (пола, уровня образования и др.) на взаимосвязи между уровнем жизнестойкости и факторами «Большой пятерки». Во-вторых, ограничение исследования связаны с тем, что для определения обеих исследуемых переменных использовались самоотчеты респондентов, которые могли быть подвержены факторам социальной желательности. Кроме того, нами использовалась краткая версия Опросника «Большой пятерки», которая может быть менее чувствительной к измеряемым переменным, чем полная. Однако сопоставление полученных данных с результатами других исследований, а также их критический анализ позволяют существенно снизить перечисленные недостатки исследования.

Перспективы исследования связаны с более детальным изучением взаимосвязей между жизнестойкостью и факторами «Большой пятерки», предполагающим учет широкого спектра социально-демографических факторов.

Выводы

Результаты исследования частично подтвердили гипотезу о том, что жизнестойкость определяется чертами личности, составляющими «Большую пятерку». Значимыми предикторами жизнестойкости оказались эмоциональная стабильность, экстраверсия и добросовестность. Соответствие полученных в нашем исследовании результатов данным исследований, проведенных в других странах, позволяет отметить универсальный, независимый от национального контекста характер взаимосвязей между жизнестойкостью и такими факторами «Большой пятерки», как эмоциональная стабильность, экстраверсия и добросовестность. Это позволяет рекомендовать при планировании программ по преодолению трудных жизненных ситуаций рассматривать интровертов и людей с высоким уровнем нейротизма как группу риска. Также при разработке программ вмешательств, направленных на формирование жизнестойкости, полезно будет использовать описанные данные для разработки блоков, связанных с личностным ростом и самосовершенствованием.

Список литературы

- Виничук, Н.В. (2020). Выраженность жизнестойкости у молодых людей России и Израиля в ситуации самоизоляции периода распространения коронавируса. *Национальный психологический журнал*, 13(3), 22–29.
- Егорова, М.С., Паршикова, О.В. (2016). Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б510). *Психологические исследования*, 9(45), 9. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492>
- Корнилова, Т.В., Чумакова, М.А. (2016). Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ). *Психологические исследования*, 9(46), 5. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i46.480>
- Кузнецова, С.О., Таранова, В.А. (2021). Взаимосвязь уровня агрессивности и жизнестойкости у старших подростков. *Психологические исследования*, 14(80). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i80.110>
- Леонтьев, Д.А., Рассказова, Е.И. (2006). Тест жизнестойкости. Москва: Смысл.
- Леонтьев, Д.А., Рассказова, Е.И. (2011). Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала. Личностный потенциал: структура и диагностика. Москва: Смысл.
- Наливайко, Т.В. (2010). Жизнестойкость и ее связь со свойствами личности. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ.
- Наливайко, Т.В. (2018). Связь жизнестойкости со стилевой саморегуляцией поведения у студентов, обучающихся в малом и большом городах. *Вестник ЮУрГУ. Серия Психология*, 11(2), 117–123. <https://doi.org/10.14529/psy180213>
- Омарова, М.К. (2018). Жизнестойкость в ее взаимосвязи с отдельными характеристиками личности. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки*, 33(1), 95–100. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2018-33-1-95-100>
- Осин, Е.Н., Рассказова, Е.И. (2013). Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 36(2), 147–165.
- Радюк, О.М., Басинская, И.В., Воронкова, Я.Ю. (2016). «Большая пятёрка» личностных особенностей. В сборнике: 2-й Международ. съезд Ассоциации когнитивно-поведенческой психотерапии. Сборник научных статей (С. 92–104). Санкт-Петербург: СИНЭЛ.
- Сергеева, А.С., Кириллов, Б.А., Джумагулова, А.Ф. (2016). Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности. *Экспериментальная психология*, 9(3), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311>
- Чухрова, М.Г., Митрофанова, О.Е., Филь, Т.А., Пронин, С.В., Александрова, А.А. (2018). Анализ жизнестойкости в контексте агрессивности личности. *Мир науки, культуры, образования*, 72(5), 359–362.
- Шерешкова, Е.А. (2019). Взаимосвязь личностных свойств и жизнестойкости будущих педагогов. *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*, 1(41), 112–120.
- Agbaria, Q., Mokh, A.A. (2022). Coping with stress during the coronavirus outbreak: The contribution of big five personality traits and social support. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 20(3), 1854–1872. <https://doi.org/10.1007/s11469-021-00486-2>
- Alegre, A., Perez-Escoda, N., Lopez-Cassa, E. (2019). The relationship between trait emotional intelligence and personality. Is trait EI really anchored within the Big Five, Big Two and Big One frameworks? *Frontiers in Psychology*, (10), 866. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00866>

- Bakker, A.B., Van Der Zee, K.I., Lewig, K.A., Dollard, M.F. (2006). The Relationship Between the Big Five Personality Factors and Burnout: A Study Among Volunteer Counselors. *The Journal of Social Psychology*, 146(1), 31–50. <https://doi.org/10.3200/SOCP.146.1.31-50>
- Bartone, P.T., Eid, J., Johnsen, B.H., Laberg, J.C., Snook, S.A. (2009). Big five personality factors, hardiness, and social judgment as predictors of leader performance. *Leadership & Organization Development Journal*, 30(6), 498–521. <https://doi.org/10.1108/01437730910981908>
- Chen, L., Qu, L., Hong, R.Y. (2022). Pathways linking the big five to psychological distress: Exploring the mediating roles of stress mindset and coping flexibility. *Journal of Clinical Medicine*, 11(9), 2272. <http://dx.doi.org/10.3390/jcm11092272>
- Fouladi, N., Shahidi, E. (2017). The Role of Personality Traits and Life Expectancy in Predicting Psychological Hardiness in Students Regarding Sexuality. *Clinical Psychology and Personality*, 15(1), 93–101.
- Gosling, S.D., Rentfrow, P.J., Swann, W.B. (2003). A very brief measure of the big-five personality domains. *Journal of Research in Personality*, 37(6), 504–528.
- Curven, M.C., von Rueden, C., Massenkoff, M., Kaplan, H., Lero, V.M. (2013). How universal is the Big Five? Testing the five-factor model of personality variation among forager–farmers in the Bolivian Amazon. *Journal of Personality and Social Psychology*, 104(2), 354–370. <https://doi.org/10.1037/a0030841>
- Kobasa, S.C., Maddi, S.R., Kahn, S. (1982). Hardiness and health: A prospective study. *Journal of Personality and Social Psychology*, 42(1), 168–177. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.42.1.168>
- Maddi, S.R. (2017). Hardiness as a pathway to resilience under stress. In: U. Kumar (Ed.). *Routledge international handbook of psychosocial resilience* (pp. 104–110). Oxford: Routledge.
- Maddi, S.R. (2020). Personality Hardiness. *The Wiley Encyclopedia of Health Psychology*. Hoboken: Wiley-Blackwell.
- Maddi, S.R., Khoshaba, D.M., Persico, M., Lu, J., Harvey, R., Bleecker, F. (2002). The personality construct of hardiness, II: Relationships with comprehensive tests of personality and psychopathology. *Journal of Research in Personality*, 36(1), 72–85.
- Ramanaiah, N.V., Sharpe, J.P., Byravan, A. (1999). Hardiness and major personality factors. *Psychological Reports*, 84(2), 497–500.
- Rammstedt, B., Lechner, C.M., Weib, B. (2022). Does personality predict responses to the COVID-19 crisis? Evidence from a prospective large-scale study. *European Journal of Personality*, 36(1), 47–60.
- Rathee, R., Kaushik, N. (2022). A Correlational Study of Aggression and Hardiness among Adolescents. *International Journal of Education and Management Studies*, 12(4), 331–333.
- Risan, P., Skoglund, T.H., Sandvik, A.M., Milne, R. (2022). Personality and hardiness among police students: An evaluative pilot study. *Nordic Journal of Studies in Policing*, 1(1), 1–11. <https://doi.org/10.18261/njsp.9.1.9>
- Samoilov, N.G., Aleshicheva, A.V. (2023). Correlation between hardiness and negative personal states in athletic activities. *Sport Sciences for Health*, 19(2), 679–689.
- Steyn, R., Ndofirepi, T.M. (2022). Structural validity and measurement invariance of the short version of the Big Five Inventory (BFI-10) in selected countries. *Cogent Psychology*, 9(1), 2095035. <https://doi.org/10.1080/23311908.2022.2095035>
- Subramanian, S., Velayudhan, A., Vinothkumar, M. (2013). Hardiness and Personality as Predictors of Military Enlistment Intention among the Indian. *Psychological Studies*, 58(1), 66–72. <https://doi.org/10.1007/s12646-012-0162-x>
- Yaprak, P., Guclu, M.T., Durhan, T.A. (2018). The Happiness, Hardiness, and Humor Styles of Students with a Bachelor's Degree in Sport Sciences. *Behavioral Science*, 8(9), 82. <https://doi.org/10.3390/bs8090082>
- Zacher, H., Rudolph, C.W. (2021). Big Five traits as predictors of perceived stressfulness of the COVID-19 pandemic. *Personality and Individual Differences*, 175, 110694. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110694>
- Zhang, B., Li, Y.M., Li, J., Luo, J., Ye, Y., Yin, L., Chen, Z., Soto, C.J., John, O.P. (2022). The big five inventory–2 in China: A comprehensive psychometric evaluation in four diverse samples. *Assessment*, 29(6), 1262–1284. <https://doi.org/10.1177/10731911211008245>
- Zhang, L. (2011). Hardiness and the Big Five personality traits among Chinese university students. *Learning and Individual Differences*, 21(1), 109–113. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2010.05.006>

References

- Agbaria, Q., Mokh, A.A. (2022). Coping with stress during the coronavirus outbreak: The contribution of big five personality traits and social support. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 20(3), 1854–1872.
- Alegre, A., Perez-Escoda N., Lopez-Cassa, E. (2019). The relationship between trait emotional intelligence and personality. Is trait EI really anchored within the Big Five, Big Two and Big One frameworks? *Frontiers in Psychology*, 10, 866. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00866>
- Bakker, A.B., Van Der Zee, K.I., Lewig, K.A., Dollard, M.F. (2006). The Relationship Between the Big Five Personality Factors and Burnout: A Study Among Volunteer Counselors. *The Journal of Social Psychology*, 146(1), 31–50. <https://doi.org/10.3200/SOCP.146.1.31-50>
- Bartone, P.T., Eid, J., Johnsen, B.H., Laberg, J.C., Snook, S.A. (2009). Big five personality factors, hardiness, and social judgment as predictors of leader performance. *Leadership & Organization Development Journal*, 30(6), 498–521. <https://doi.org/10.1108/01437730910981908>
- Chen, L., Qu, L., Hong, R.Y. (2022). Pathways linking the big five to psychological distress: Exploring the mediating roles of stress mindset and coping flexibility. *Journal of Clinical Medicine*, 11(9), 2272. <https://doi.org/10.3390/jcm11092272>
- Chuxrova, M.G., Mitrofanova, O.E., Fil', T.A., Pronin, S.V., Aleksandrova, A.A. (2018). Analysis of resilience in the context of personality aggressiveness. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya (The World of Science, Culture and Education)*, 72(5), 359–362. (In Russ.).
- Egorova, M.S., Parshikova, O.V. (2016). Psychometric properties of the Big Five Short Portrait Inventory (B510). *Psikhologicheskoe Issledovaniya (Psychological Studies)*, 9(45), 9. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492> (In Russ.).
- Fouladi, N., Shahidi, E. (2017). The Role of Personality Traits and Life Expectancy in Predicting Psychological Hardiness in Students Regarding Sexuality. *Clinical Psychology and Personality*, 15(1), 93–101.
- Gosling, S.D., Rentfrow, P.J., Swann, W.B. (2003). A very brief measure of the big-five personality domains. *Journal of Research in Personality*, 37(6), 504–528.

- Gurven, M.C., von Rueden, C., Massenkoff, M., Kaplan, H., Lero, V.M. (2013). How universal is the Big Five? Testing the five-factor model of personality variation among forager–farmers in the Bolivian Amazon. *Journal of Personality and Social Psychology*, 104(2), 354–370. <https://doi.org/10.1037/a0030841>
- Kobasa, S.C., Maddi, S.R., Kahn, S. (1982). Hardiness and health: A prospective study. *Journal of Personality and Social Psychology*, 42(1), 168–177. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.42.1.168>
- Kornilova, T.V., Chumakova, M.A. (2016). Testing of the Brief Big Five Inventory (TIPI, COBT). *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological Studies)*, 9(46), 5. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i46.480> (In Russ.).
- Kuzneczova, S.O., Taranova, V.A. (2021). The relationship between the level of aggressiveness and resilience in older adolescents. *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological Studies)*, 14(80). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i80.110> (In Russ.).
- Leont'ev, D.A., Rasskazova, E.I. (2006). Test of hardiness. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Leont'ev, D.A., Rasskazova, E.I. (2011). Vitality as a component of personal potential. Personal potential: structure and diagnostics. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Maddi, S.R. (2017). Hardiness as a pathway to resilience under stress. In: U. Kumar (Ed.). *Routledge international handbook of psychosocial resilience* (pp. 104–110). Oxford: Routledge.
- Maddi, S.R. (2020). Personality Hardiness. *The Wiley Encyclopedia of Health Psychology*. Hoboken: Wiley-Blackwell.
- Maddi, S.R., Khoshaba, D.M., Persico, M., Lu, J., Harvey, R., Bleecker, F. (2002). The personality construct of hardiness, II: Relationships with comprehensive tests of personality and psychopathology. *Journal of Research in Personality*, 36(1), 72–85.
- Nalivaiko, T.V. (2010). Hardiness and its connection with personality traits. Chelyabinsk: SUSU Publ. Center. (In Russ.).
- Nalivaiko, T.V. (2018). Association between hardiness and style self-direction of behavior of students in small towns and big cities. *Vestnik YuUrGU. Seriya Psikhologiya (Bulletin of the SUSU. Series Psychology)*, 11(2), 117–123. <https://doi.org/10.14529/psy180213> (In Russ.).
- Nalivaiko, T.V., Shakurova, Z.A. (2010). Features of the manifestation of hardiness in the structure of socio-psychological properties of students' personality. *Vestnik YuUrGU. Seriya Psikhologiya (Bulletin of SUSU. Series Psychology)*, 27(1), 44–49. URL: <http://dspace.susu.ac.ru/handle/0001.74/3085> (access date: 10.02.2023). (In Russ.).
- Omarova, M.K. (2018). Hardiness in its relationship with individual personality characteristics. *Vestnik Dagestanskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki (Bulletin of Dagestan State University. Series 2. Humanities)*, 33(1), 95–100. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2018-33-1-95-100> (In Russ.).
- Osin, E.N., Rasskazova, E.I. (2013). A short version of the hardiness test: psychometric characteristics and application in an organizational context. *Lomonosov Psychology Journal*, 36(2), 147–165. (In Russ.).
- Radyuk, O.M., Basinskaya, I.V., Voronkova, Ya.Yu. (2016). “Big five” personality traits. In the Collection of the 2nd International Congress of the Association of Cognitive Behavioral Psychotherapy (pp. 92–104). St. Petersburg: SYNEL. (In Russ.).
- Ramanaiah, N.V., Sharpe, J.P., Byravan, A. (1999). Hardiness and major personality factors. *Psychological Reports*, 84(2), 497–500.
- Rammstedt, B., Lechner, C.M., Weib, B. (2022). Does personality predict responses to the COVID-19 crisis? Evidence from a prospective large-scale study. *European Journal of Personality*, 36(1), 47–60.
- Rathee, R., Kaushik, N. (2022). A Correlational Study of Aggression and Hardiness among Adolescents. *International Journal of Education and Management Studies*, 12(4), 331–333.
- Risan, P., Skoglund, T.H., Sandvik, A.M., Milne, R. (2022). Personality and hardiness among police students: An evaluative pilot study. *Nordic Journal of Studies in Policing*, 1(1), 1–11. <https://doi.org/10.18261/njsp.9.1.9>
- Samoilov, N.G., Aleshicheva, A.V. (2023). Correlation between hardiness and negative personal states in athletic activities. *Sport Sciences for Health*, 19(2), 679–689.
- Sergeeva, A.S., Kirillov, B.A., Dzhumagulova, A.F. (2016). Translation and adaptation of a short five-factor personality questionnaire (TIPI-RU): assessment of convergent validity, internal consistency and test-retest reliability. *Ekspperimental'naya Psikhologiya (Experimental Psychology)*, 9(3), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311> (In Russ.).
- Shereshkova, E.A. (2019). Interrelation of personal properties and hardiness of future teachers. *Vestnik Shadrinskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta (Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University)*, 1(41), 112–120. (In Russ.).
- Steyn, R., Ndofirepi, T.M. (2022). Structural validity and measurement invariance of the short version of the Big Five Inventory (BFI-10) in selected countries. *Cogent Psychology*, 9(1), 2095035. <https://doi.org/10.1080/23311908.2022.2095035>
- Subramanian, S., Velayudhan, A., Vinothkumar, M. (2013). Hardiness and Personality as Predictors of Military Enlistment Intention among the Indian. *Psychological Studies*, 58(1), 66–72. <https://doi.org/10.10507/s12646-012-0162-x>
- Vinichuk, N.V. (2020). Severity of hardiness in young people in Russia and Israel in the situation of self-isolation of the period of prevailing coronavirus. *National Psychological Journal*, 13(3), 22–29. (In Russ.).
- Yaprak, P., Guclu, M.T., Durhan, T.A. (2018). The Happiness, Hardiness, and Humor Styles of Students with a Bachelor's Degree in Sport Sciences. *Behavioral Science*, 8(9), 82. <https://doi.org/10.3390/bs8090082>
- Zacher, H., Rudolph, C.W. (2021). Big Five traits as predictors of perceived stressfulness of the COVID-19 pandemic. *Personality and Individual Differences*, 175, 110694. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110694>
- Zhang, B., Li, Y.M., Li, J., Luo, J., Ye, Y., Yin, L., Chen, Z., Soto, C.J., John, O.P. (2022). The big five inventory–2 in China: A comprehensive psychometric evaluation in four diverse samples. *Assessment*, 29(6), 1262–1284. <https://doi.org/10.1177/1073191211008245>
- Zhang, L. (2011). Hardiness and the Big Five personality traits among Chinese university students. *Learning and Individual Differences*, 21(1), 109–113. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2010.05.006>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Маргарита Игоревна Постникова, доктор психологических наук, доцент, профессор Высшей школы педагогики, психологии и физической культуры Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация; главный научный сотрудник Управления научных исследований Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, post-margarita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>

Margarita I. Postnikova, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor at the Higher School of Pedagogy, Psychology and Physical Culture of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation; Chief Researcher at the Directorate of Scientific Research of Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation, post-margarita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>

Влада Игоревна Пищик, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и организационной психологии Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, vladaph@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>

Vlada I. Pischik, Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department Psychology of Education and Organizational Psychology of Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation, vladaph@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>

Надежда Валерьевна Сиврикова, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Российская Федерация, bobnv79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>

Nadezhda V. Sivrikova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Social Work, Pedagogy and Psychology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation, bobnv79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>

Анастасия Владимировна Микляева, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и социальной психологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.miklyaeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

Anastasia V. Miklyaeva, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor at the Department of General and Social Psychology of the Herzen State Pedagogical University of Russia, a.miklyaeva@gmail.com, St. Petersburg, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

Поступила: 10.03.2023; получена после доработки: 23.05.2023; принята в печать: 02.05.2024.

Received: 10.03.2023; revised: 23.05.2023; accepted: 02.05.2024.